

ГРѢХИ ЧУВСТВЪ.

1. Зрѣніе. 2. Слухъ. 3. Осязаніе. 4. Вкусъ и обоняніе. 5. Внутреннее чувство.

Епископа Виссаріона.

4-е изданіе Отдѣла Распростр. духовно - нравств.
книгъ, при Московск. Общ. Любит. дух. просвѣщ.

МОСКВА.

Типо-Лит. Г. И. Простанова, Валчузь, д. Симонова монастыря.

1899.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва, Сентября 27 дня, 1899 года.
Цензоръ Протоіерей *Александръ Смирновъ.*

ГРѢХИ ЧУВСТВЪ.

Источникъ грѣха заключается собственно въ душѣ, а не въ тѣлѣ съ его чувствами. Не захочетъ она уступить грѣховному искушенію, никакія впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ не увлекутъ ее на грѣхъ. Силою воли, при помощи благодати Божіей, она можетъ избѣгнуть всѣхъ внѣшнихъ поводовъ къ грѣху и при неизбежной встрѣчѣ съ грѣховнымъ искушеніемъ ~~оцннѣ~~ ~~статъ~~ выше его: она можетъ ~~видя не видѣть~~, слыша не слышать, т.-е. не увлекаться ~~тѣми~~ впечатлѣніями, какія доходятъ до нея чрезъ зрѣніе и слухъ. Посему, приступая къ разсмотрѣнію грѣховъ чувствъ, мы имѣемъ въ виду не то, будто въ чувствахъ заключается причина грѣха, а то, что душа пользуется чув-

ствами, какъ орудіями грѣха, злоупотребляетъ ими, или что не употребляетъ ихъ согласно ихъ назначенію. — Кромѣ внѣшнихъ чувствъ — зрѣнія, слуха, осязанія, обонянія и вкуса, — къ грѣхамъ можетъ подавать поводъ также и внутреннее чувство. Начнемъ съ внѣшнихъ чувствъ.

З Р Ъ Н І Е.

Значеніе зрѣнія въ духовной жизни весьма велико. Оно служитъ проводникомъ въ душу добрыхъ впечатлѣній отъ міра видимаго. Черезъ него душа наша познаетъ чудеса премудрости, благости и всемогущества Божія, являющіяся повсюду въ дѣлахъ мірозданія (Рим. 1, 20). Открытія въ области наукъ естественныхъ суть большею частію плодъ наблюдений чрезъ чувство зрѣнія. Умилительное дѣйствіе на душу обрядовъ богослуженія, благоговѣйнаго участія въ ней вѣрующихъ, благолѣпія храмовъ Божіихъ, производится на душу чрезъ зрѣніе. Но оно же проводитъ въ душу впечатлѣнія грѣховныя. Такъ:

1) чрезъ зрѣніе возбуждаются и питаются нецѣломудрѣнные помыслы, о преступности которыхъ можно судить по словамъ Христовымъ: „всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ“ (Мат. 5, 28).

2) Путемъ зрѣнія проникаютъ въ душу впечатлѣнія отъ зрѣлицъ, растлѣвающихъ душу. Таковыми въ языческой древности были гладіаторскія игры; въ наше время съ этимъ характеромъ являются: у Испанцевъ бой быковъ и у всѣхъ народовъ потѣшная травля звѣрей, особенно предосудительная, когда затравляютъ десятками псовъ одного безсильнаго звѣрка, — безстыдныя театральныя представленія, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются полуобнаженные лица женскаго пола, — нескромныя живыя картины. Безстыдныя театральныя представленія, рассчитанныя прямо на нецѣломудренныя склонности, въ послѣднее время пріютились не только въ городахъ, но и среди загородныхъ жилищъ. На лѣтнее время горожане переселяются въ нихъ затѣмъ, чтобы пожить на свободѣ отъ городского шума и пыли, поды-

шать чистымъ воздухомъ, испытать наслажденіе, доставляемое зрѣлищемъ природы. Но безчестные предприниматели, извлекающіе выгоду изъ развращенія ближнихъ, стали устроить безнравственныя зрѣлища въ мѣстахъ, густо населенныхъ дачниками,—и расчетъ ихъ на склонность къ разврату оказался вѣрнымъ. Посѣтителями этихъ зрѣлищъ бываютъ не одни жители дачъ, но и оставшіеся на лѣто въ городѣ. Они на досугѣ нарочно спѣшатъ за городъ не для прогулокъ, а единственно для безнравственныхъ театральныхъ увеселеній, которыхъ въ это время не находятъ въ городѣ. И съ какими омерзительными впечатлѣніями они возвращаются домой! И сколько оттого гибнетъ не холостыхъ только, но и женатыхъ, потому что тѣ и другіе, подѣ влияніемъ видѣннаго на безстыдныхъ зрѣлищахъ, ищутъ для себя другихъ, болѣе грязныхъ развлеченій!

3) Грѣховныя впечатлѣнія зрѣнія получаютъ, къ сожалѣнію, иногда въ мѣстахъ, предназначенныхъ отнюдь не для праздныхъ зрѣлищъ. Такъ, въ самую церковь ходятъ иные не для участія въ богослуженіи, а что-

бы только посмотрѣть на другихъ и на обстановку богослуженія. Они вамъ расскажутъ, кто былъ въ церкви, въ чемъ одѣтъ, какъ причесанъ, въ какихъ облаченіяхъ были священнослужители, хорошо ли горѣли свѣчи и т. п.; но спросите ихъ, что читано было въ церкви изъ Евангелія и Апостола, о чемъ была проповѣдь и т. п.,—они ничего вамъ не скажутъ, ибо ничего не слушали, а только блуждали въ церкви взорами. И вотъ гдѣ между прочимъ причина страннаго явленія: иной ни одного воскреснаго и праздничнаго дня не пропуститъ, чтобы не побывать въ церкви за обѣднею, а не прочтетъ символа вѣры. Онъ всю службу можетъ выстоять въ церкви, но слыша не слышитъ, что въ ней читаютъ или поютъ, а только глазѣтъ по сторонамъ или бессмысленно смотритъ на читающихъ и поющихъ, тогда какъ тотъ же человѣкъ очень хорошо помнитъ нѣсколько сотенъ мірскихъ пѣсенъ по одному слуху.—О томъ, что происходитъ въ церкви при совершеніи свадебъ, и говорить тяжело. Церковь въ это время превращается въ буквальный смыслѣ въ мѣсто

зрѣлица. Рѣдкіе изъ пришедшихъ на свадьбу въ церковь стоятъ въ ней благоговѣно и молятся за жениха и невѣсту. Остальные большею частію, обратившись задомъ къ алтарю и святымъ иконамъ, во все продолженіе вѣнчанія не сводятъ глазъ съ жениха и невѣсты и своимъ пристальнымъ наблюденіемъ надъ всѣми ихъ движеніями, надъ всѣми подробностями ихъ туалета нерѣдко смущаютъ ихъ, отнимаютъ у нихъ то расположеніе духа, какое они должны сохранять въ эти единственные въ ихъ жизни минуты.—Подобное неблагоговѣніе можно замѣчать въ крестныхъ ходахъ. На крестные ходы собираются тысячи народу, но зачѣмъ? Немногіе здѣсь являются богомольцами, остальные—все зрители. Смотрятъ на хоругви, какъ онѣ колыхаются въ воздухѣ, на золотыя и серебряныя украшенія ликовъ, на нихъ изображенныхъ, но никогда не молятся предъ этими ликами. По возвращеніи домой, они вамъ расскажутъ, сколько священниковъ, діаконовъ и причетниковъ участвовало въ крестномъ ходѣ, какія облаченія на нихъ были, какъ они себя вели, стройно ли дви-

гались хоругви, не падали ли отъ вѣтру или отъ неискusstва носильщиковъ, — расскажутъ о разныхъ другихъ приключенiяхъ, которыхъ они были свидѣтелями въ крестномъ ходѣ; ибо только за этимъ и сопровождали его, а отнюдь не затѣмъ, чтобъ участiемъ въ общественномъ богомольѣ увеличить силу и богоугодность его. Они не хотятъ понять, что въ крестномъ ходу должно вести себя съ такимъ же благоговѣнiемъ, какъ въ церкви. Ибо что такое крестный ходъ, какъ не движущаяся церковь? Въ рѣдкой церкви помѣстится больше тысячи челоуѣкъ, но въ крестныхъ ходахъ участвуютъ десятки тысячъ, и еслибы всѣ эти десятки тысячъ единымъ сердцемъ и едиными устами возсылали къ Господу молитву, какая могущественная была бы эта молитва!

Для избѣжанiя исчисленныхъ грѣховъ чувства зрѣнiя, должно оберегать душу отъ всего соблазнительнаго, могущаго войти въ нее черезъ зрѣнiе, не разсѣвать взоровъ, отвращать ихъ отъ всего суетнаго, на предметы и дѣйствiя священныя взирать съ благоговѣнiемъ, на видимый мiръ смотрѣть съ мыслiю

о Творцѣ. Глаза—это окна души. Должно тщательно охранять ихъ, чтобы не проторглись въ нихъ воры и разбойники,—ибо какъ иначе назвать грѣховныя впечатлѣнія, окрадывающія и расхищающія душу, въ которую вторгаются чрезъ эти окна?

СЛУХЪ.

Чувство слуха есть великій даръ Божій. Съ нимъ имѣеть тѣсную связь даръ слова,—безъ слуха не было бы мѣста вѣрѣ въ откровеніе Божіе, ибо вѣра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божиимъ (Рим, 10, 17). Слухъ вообще служитъ главнымъ проводникомъ образованія, болѣе употребительнымъ чѣмъ грамота, ибо было время, когда грамота совсѣмъ не была извѣстна, и люди научались всему по слуху, да и нынѣ болѣе неграмотныхъ, чѣмъ грамотныхъ. Но какъ всякій даръ, такъ и даръ слуха или злоупотребляется людьми и обращается въ орудіе грѣха, или не употребляется ими согласно своему назначенію.

1) Чувство слуха бываетъ орудіемъ грѣха, когда человѣкъ любитъ слушать празднословіе, срамословіе и вообще гнилыя рѣчи. Есть люди, которые находятъ въ этомъ вкусъ. Они терпѣть не могутъ рѣчей серьезныхъ, особенно проповѣдей, скучаютъ даже отъ краткой проповѣди и, по предубѣжденію противъ проповѣдей, вообще неспособны цѣнить въ нихъ хорошихъ сторонъ,—но весьма довольны бываютъ, когда попадають въ общество людей, убивающихъ время въ болтовнѣ, въ нескромныхъ шуткахъ, въ пересказываніи грязныхъ новостей. Все это, чрезъ слухъ входя въ душу, растлѣваетъ ее, пріучаетъ къ легкомыслію, вноситъ въ нее пустоту, чувствительную особенно тогда, когда человѣкъ остается наединѣ. Инаиначе тяжко грѣшитъ тотъ, кто находитъ удовольствіе въ слушаніи рѣчей кощунственныхъ,—глумленій надъ вѣрой, надъ церковными учрежденіями и добрыми христіанскими обычаями. Онъ и за себя будетъ отвѣчать предъ судомъ Божиимъ, какъ виновный въ сочувствіи этимъ гнилымъ рѣчамъ,—и за ближняго, котораго поощряетъ своимъ вниманіемъ къ его гни-

лымъ рѣчамъ, своимъ поддакиваніемъ, выраженіемъ удовольствія, вмѣсто того, чтобъ остановить дерзкаго говоруна обличеніемъ его дерзости. Дерзость этихъ людей питается именно вниманіемъ къ нимъ. Они не посмѣли бы открыть устъ, еслибы не находили среды, готовой съ удовольствіемъ воспринимать сѣмя злыя сѣмена. Не меньше тяжко грѣшатъ тѣ, которые любятъ слушать вѣсти, распускаемыя противъ чести ближняго, и слушаютъ ихъ съ какимъ-то злорадствомъ, обращая вниманія на то, что эти вѣсти могутъ оказаться клеветою, выдуманы злыми людьми и, переходя изъ устъ въ уста съ прибавленіями и видоизмѣненіями, могутъ уронить его въ общественномъ мнѣніи, подорвать къ нему довѣріе людей, отъ которыхъ онъ зависитъ, убить въ немъ ревность къ труду, свергнуть его въ уныніе и въ лицѣ его отнять у общества полезнаго дѣятеля. Въ этомъ грѣхѣ, въ грѣхѣ легкомысленнаго довѣрія ко всякому слуху, виновны преимущественно газеты, собирающія безъ повѣрки всякія вѣсти и не принимающія даже оправданій отъ оклеветанныхъ печатно. Вредна для чести

человѣка устная, недобрая молва, но молва печатная и перепечатываемая еще вреднѣе, потому что распространяется по всему свѣту.

2) Чувство слуха бываетъ орудіемъ грѣха также въ людяхъ пристрастныхъ къ изнѣживающимъ музыкальнымъ звукамъ, особенно къ тѣмъ, которые выражаютъ страсть,—и къ искусственному пѣнію. Вредъ этого пристрастія сказывается въ томъ, что эти люди не жалуютъ простаго церковнаго пѣнія, а потому или совсѣмъ не ходятъ въ церковь, или бываютъ въ ней только тогда, когда приглашены пѣвчіе. И отъ нихъ уже нельзя услышать: пойду — помолюсь въ храмъ Божіемъ, — а: пойду послушать пѣвчихъ. Церковь для нихъ не мѣсто молитвы, а мѣсто развлеченія. Для нихъ важно не содержаніе церковныхъ пѣснопѣній, а одно исполненіе пѣнія пѣвческими голосами, и чѣмъ больше походитъ оно на оперное, тѣмъ оно для нихъ пріятнѣе. У другихъ пристрастіе къ звукамъ высказывается болѣе въ грубой формѣ. Имъ нравится не искусство церковнаго пѣнія или чтенія, а только сила голоса. Они имѣютъ обычай бывать въ тѣхъ храмахъ, гдѣ могутъ

слышать громозвучное чтеніе Апостола или Евангелія, и по окончаніи чтенія слышать вонь изъ церкви, не подозрѣвая, что, обращая въ предметъ забавы священное дѣйствіе, они впадаютъ въ грѣхъ кощунства.—Какъ грѣховно пристрастіе слуха къ нескромнымъ пѣснямъ, вносящимъ въ душу сѣмена нецѣломудрія, всякому очевидно.

3) Есть грѣхъ слуха, свойственный преимущественно лицамъ женскаго пола,—это *подслушиваніе*. Иногда оно допускается изъ одного безкорыстнаго любопытства, изъ простаго желанія знать чужія обстоятельства; иногда изъ него дѣлается дурное употребленіе,—подслушанное у однихъ не къ чести ихъ пересказываютъ подъ секретомъ другимъ и еще съ искаженіями и прибавленіями. Во всякомъ случаѣ подслушиваніе—дѣло безчестное.—Лицамъ женскаго пола, особенно изъ простонародья, свойственно также подслушиваніе съ суевѣрною цѣлію. Ходятъ, на примѣръ, подслушивать на перекрестокъ *),

*) „Гдѣ шумъ, либо лай, туда дѣвушка судьба, туда дорожка лежитъ“.

подъ чужое окно, въ замочную скважину на церковной панерти. Въ этихъ случаяхъ проявляется не одно невѣжество, но и грубое языческое суевѣріе, не разборчивое на средства къ тому, чтобы вопреки воли Божіей узнать сокрытую отъ насъ будущую судьбу.

4) Грѣхъ заключается не въ томъ только, чтобы злоупотреблять слухомъ, слушать то, чего не слѣдуетъ, но и въ томъ, когда не слушаютъ того, что слѣдуетъ. Въ этомъ грѣхѣ виновны невнимательные къ ходу богослуженія, даже въ важнѣйшіе моменты, когда діаконъ призываетъ всѣхъ къ особенному вниманію возглашеніемъ: *вонмемъ*, — пропускающіе мимо ушей вообще все, что въ церкви поется, читается, проповѣдуется, какъ будто все это дѣлается для стѣнъ, а не для людей. Иногда этотъ грѣхъ допускается на исповѣди, когда служитель этого таинства имѣетъ дѣло съ каждымъ лично. Иной совсѣмъ теряетъ изъ виду, что онъ въ эти минуты есть подсудимый. Понади онъ подъ свѣтскій судъ, — онъ превращается тогда весь во вниманіе — при допросѣ, при судебномъ изслѣдованіи его вины, при обвини-

тельной противъ него и защитительной въ пользу его рѣчи; но на судѣ церковномъ, на судѣ исповѣди тотъ же человѣкъ ведетъ себя такъ, какъ будто дѣло не до него касается. Что, напримѣръ, ни спросить у него священникъ, на все отвѣчаетъ: *грѣшенъ*, не обращая вниманіе на содержаніе вопроса, такъ что священнику приходится иногда нѣсколько разъ повторять одинъ и тотъ же вопросъ, чтобы добиться правильнаго отвѣта. Иногда священникъ прерываетъ рядъ вопросовъ о грѣхахъ наставленіями и вразумленіями, а тотъ твердитъ все одно: *грѣшенъ*. У иного спросишь на исповѣди: какъ тебя зовутъ? и получаешь отвѣтъ: *грѣшенъ*. Даже при чтеніи разрѣшительной формулы, когда грѣшникъ долженъ обратиться весь въ слухъ, чтобы усвоить себѣ даръ благодати Божіей, прощающей ему грѣхи, — онъ помышляетъ только о томъ, чтобы поскорѣе уйти изъ церкви, — такъ что требуется не мало усилій, чтобы привести его въ должное духовное настроеніе, побудить его къ отложенію попеченія о стороннемъ.

Злоупотребляющіе чувствомъ слуха, любящіе склоняють слухъ къ тому, отъ чего должно отвращать его, пусть вспомнятъ, что первый грѣхъ вошелъ въ міръ путемъ слуха. Не послушай Ева рѣчей діавола, не было бы грѣха въ людяхъ. А не слушающіе того, что внимательно должно слушать и принимать къ руководству, пусть вспомнятъ судьбу современниковъ Ноя, не слушавшихъ этого проповѣдника правды и за сіе наказанныхъ потопомъ.

О С Я З А Н І Е.

Осязаніемъ называется ощущение, производимое прикосновеніемъ къ нашему тѣлу жесткаго и мягкаго, тяжелаго и легкаго, сухаго и мокраго, остраго и тупаго, гладкаго и шероховатаго, теплаго и холоднаго. Благоразуміе и наука воспитанія требуютъ приучать тѣло къ ощущеніямъ всякаго рода, закаляютъ его къ перенесенію ощущеній неприятныхъ, доводитъ его до возможной нечувствительности, на примѣръ, къ перемѣнамъ

погоды. Кто не приученъ ни къ чему такому, кто привыкъ жить ощущеніемъ только того, что нѣжитъ тѣло, напрімѣ, мягкаго, теплаго, сухаго, тотъ называется изнѣженнымъ человѣкомъ. А изнѣженность есть грѣхъ. Изнѣженный человѣкъ избѣгаетъ тяжелыхъ трудовъ. Въ настоящее время многіе сурдобольные родители, дающіе сыновьямъ изнѣженное воспитаніе, прибѣгаютъ ко всевозможнымъ, не всегда честнымъ, средствамъ избавить ихъ отъ воинской повинности, — изъ опасенія, не безосновательнаго впрочемъ, что суровая жизнь солдата не подь силу будетъ имъ. Изнѣженная хозяйка дома — дурная хозяйка: она всегда находится въ позорной зависимости отъ прислуги, ибо сама ни до чего не доходитъ, не знаетъ ни погреба, ни кухни. Какъ бѣлоручка, она считаетъ все это для себя унижительнымъ и не только сама грѣшитъ уклоненіемъ отъ физическихъ трудовъ, но и подаетъ поводъ къ грѣху прислугамъ, — онѣ ее обманываютъ, у ней воруютъ и за глазами что хотятъ, то дѣлаютъ. Изнѣженный человѣкъ не можетъ быть истиннымъ христіаниномъ: христіанская вѣра

требуетъ самоотверженія, требуетъ покоренія тѣла духу, ибо мы должны прославлять Бога не душами только, но и тѣлами, тѣлесными подвигами благочестія и человеколюбія. Изнѣженный человекъ тяготится внѣшнею молитвою, особенно церковною. Привыкши покоить свое тѣло, онъ тяготится стояніемъ и поклонами на молитвѣ, въ церкви переминается съ ноги на ногу, опирается на что-нибудь, либо прислоняется къ стѣнѣ и любить въ церкви сидѣть, словно разслабленный. Онъ не охотникъ ходить въ церковь, ибо для этого надо на время разстаться съ тѣлеснымъ покоемъ. Въ то время, когда другіе присутствуютъ на всенощномъ бдѣніи, онъ предпочитаетъ оставаться дома, сидѣть въ покойныхъ креслахъ за чтеніемъ пустой книги или убиваетъ время въ бесѣдѣ съ пустымъ человекомъ. Онъ не любитъ рано подниматься на церковную молитву, потому что для этого надо разставаться съ мягкой постелью и домашнимъ тепломъ, подобнаго которому не во всякой церкви найдешь. Потерявъ энергію тѣлесную, онъ утрачиваетъ и силу духовную. Изнѣженное тѣло разслаб-

ляетъ и духъ: скука или чувство душевной пустоты преслѣдуетъ его, когда онъ остается одинъ. Христіанскіе подвижники смотрѣли на тѣлесную нѣгу, какъ на врага спасенія, и потому не давали покоя своему тѣлу даже во время сна: они ложились на камняхъ, на кирпичахъ, на шероховатыхъ доскахъ. Многіе изъ нихъ носили грубыя власяницы, облагали себя желѣзными веригами, изнуряли тѣло непрестанными трудами.

Осязаніе можетъ быть проводникомъ въ душу грѣха и независимо отъ изнѣженности тѣла. Говоримъ о грѣхахъ нецѣломудрія. Нецѣломудренный помысль бываетъ иногда порожденіемъ неосторожнаго прикосновенія къ лицамъ другого пола, или, если онъ возникъ независимо отъ этого прикосновенія, усиливается отъ него. Иногда нецѣломудренное осязаніе допускается подъ предлогомъ святаго дѣла. Такъ христованіе въ дни пасхи есть святое дѣло, какъ выраженіе духовной радости и христіанской любви по поводу великаго праздника; но иные христовуются совсѣмъ не по этимъ духовнымъ побужденіямъ, а по чувственнымъ,—желаютъ

испытать пріятное чувственное ощущеніе отъ прикосновенія къ устамъ лицъ другаго пола. Это можно назвать кощунствомъ, которое отчасти напоминаетъ гнусные обычаи нѣкоторыхъ сектановъ, Христовою любовію прикрывающихъ грубое любострастіе. Иногда грѣхъ нецѣломудрія совершается посредствомъ самооскверненія. Особенно молодымъ людямъ свойственъ этотъ грѣхъ. Родители и воспитатели должны бдительно смотрѣть за своими дѣтьми и предохранять ихъ отъ этого въ высшей степени гнуснаго и для здоровья вреднаго грѣха.

ВКУСЪ И ОБОНЯНІЕ.

Чувство вкуса имѣетъ связь съ питаніемъ. Ощущеніе вкуса пищи и пріятности питья дано для того, чтобы знать, что питательно для насъ, что нѣтъ. Такимъ образомъ, вкусъ не самъ по себѣ имѣетъ значеніе, но по отношенію къ питанію, — онъ есть средство для него, а отнюдь не цѣль. Но чувственный человѣкъ часто обращаетъ

средство въ цѣль. Онъ, напримѣръ, сытъ, а все продолжаетъ ѣсть; онъ столько пилъ, что пора бы перестать чувствовать жажду, а онъ все продолжаетъ пить сверхъ утоленія потребности, и для того только, чтобы испытывать пріятное ощущеніе отъ питья. На церковномъ языкѣ этотъ грѣхъ называется *гартанобъсіемъ*, т.-е. доведеннымъ до чрезвычайности пристраціемъ къ удовольствіямъ гортани, органа вкуса. Въ комъ укоренено это пристрастіе, тотъ заботится не о томъ, чтобы быть сытымъ и не чувствовать жажды, а о томъ, чтобы возбудить и поддерживать въ себѣ пріятное ощущеніе, доставляемое вкусомъ. Отсюда, именно изъ угожденія вкусу, происходитъ неистощимая изобрѣтательность въ приготовленіи кушанья и напитковъ, отсюда лакомство и объяденіе; отсюда привычка къ пьянству, пагубная для здоровья, разорительная для хозяйства, вредная для семейнаго мира, враждебная цѣломудрію, ведущая пропившихся къ воровству и подающая иногда поводъ къ преступленіямъ другихъ лицъ, близкихъ къ пьяницѣ, и также постороннихъ. Такъ, однажды су-

дима была жена, выведенная изъ терпѣнія пьяницею-мужемъ и убившая его. Присяжные, впрочемъ, оправдали убійцу. Такимъ образомъ, пьянство дало поводъ къ двумъ преступленіямъ: одно лицо совершило убійство, другія признали убійцу невиноватою, поправъ законы Божескіе и человѣческіе; и поблажкою одной уголовной преступницѣ, внушивъ надежду безнаказанности другимъ преступникамъ.

Обоняніе имѣетъ связь съ дыханіемъ. Оно дано намъ для предохраненія насъ отъ вредныхъ для дыханія испареній. Но человѣкъ злоупотребляетъ и этимъ чувствомъ. Онъ изнѣживаетъ свое обоняніе чрезмѣрнымъ пристрастіемъ къ душистымъ жидкостямъ, къ цвѣтамъ: онъ устрояетъ вокругъ себя благовонную атмосферу и привыкаетъ къ ней до безразличности предъ мало-мальски неприятнымъ запахомъ, которую обнаруживаетъ и въ отношеніи къ людямъ: онъ не пойдетъ въ церковь, если знаетъ, что въ ней рядомъ съ одѣтымъ въ соболью шубу стоятъ люди, одежда которыхъ, пропитанная дубильнымъ веществомъ, распространяетъ не совсѣмъ

пріятный запахъ. Онъ удаляется отъ гроба даже близкаго ему покойника, начавшаго разлагаться, и не участвуетъ въ церковной молитвѣ за него. Онъ не посѣтитъ больного, не спустится въ подвалъ бѣдняка для подавія помощи и утѣшенія, — ибо не найдетъ въ ихъ жилищахъ той благовоной атмосферы, къ которой привыкъ у себя дома. Страсть къ цвѣтамъ, для пріобрѣтенія которыхъ въ зимнее время не жалѣютъ огромныхъ расходовъ, весьма разорительная, неодобрительная и въ нравственномъ отношеніи, какъ и всякая прихоть.

Есть зелье, къ употребленію котораго крайне пристрастны люди, ищущіе удовольствія для обонанія и вмѣстѣ для вкуса. Говоримъ о табакѣ. Употребленіе его полезно иногда, какъ подспорье вмѣсто хлѣба (напримѣръ, солдатъ въ походѣ чувство голода заглушаетъ въ себѣ куреніемъ табака), какъ средство для леченія болѣзней (сибирской язвы), для возбужденія себя, въ случаѣ нужды, къ ночному бодрствованію. Но человекъ сдѣлалъ табакъ предметомъ прихоти, которую никакъ нельзя назвать невинною. „Не

странно ли, что люди изобрѣли себѣ новаго рода голодъ, котораго природа не знала, и новаго рода пищу, о которой она не думала, посредствомъ привычки сдѣлали себя рабами самой неестественной прихоти, и умножили число своихъ нуждъ, сдѣлавъ необходимымъ излишнее?" (Изъ письма митрополита Филарета. Душеполез. Чтеніе 1863, сентябрь стр. 84). И какъ вредна эта прихоть! Излишнее нюханіе табака притупляетъ, наконецъ, обоняніе и разрушаетъ органъ его. Записные курильщики тяготятся церковною службою, потому что не въ силахъ выстоять въ церкви даже одинъ часъ, томимые жаждою куренья... Большая часть пожаровъ происходитъ отъ куренья табака.

ВНУТРЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Черезъ внѣшнія чувства доходятъ до нашей души впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ. Наблюденію внутренняго чувства, или само наблюденію, подлежитъ наша душа, ея силы, склонности, недостатки. Обязанность само-

наблюденія, преимущественно въ отношеніи къ душѣ, нерѣдко внушается въ св. Писаніи. *Вонми себѣ, внемли себѣ*, повторялъ часто израильтянину древній пророкъ (Второз. 4, 9; 7, 12). *Себе искушайте. Дѣло свое да искушаетъ кійждо*, внушаетъ апостоль Христовъ (2 Кор. 13, 5. Гал. 6, 4). Себя искушать или испытывать и наблюдать свое внутреннее, особенно нравственное, состояніе необходимо для исправленія своихъ недостатковъ и для преуспѣянія въ духовныхъ совершенствахъ. Какъ тѣлесную болѣзнь можно лѣчить только тогда, когда сущность ея хорошо извѣстна больному и врачу; такъ и къ врачеванію духовныхъ недуговъ можно приступить не иначе, какъ хорошенько напередъ узнавъ, въ чемъ они состоятъ. Какъ домашнее хозяйство можетъ быть ведено правильно и благоуспѣшно только тогда, когда хозяинъ хорошо знаетъ, какими средствами располагаетъ, гдѣ что у него лежитъ, — когда зорко смотритъ за своими повѣренными и слугами, — когда самъ до всего доходитъ; такъ душа не иначе можетъ хорошо хозяйничать въ своей области, не иначе

можетъ успѣшно управлять своими силами и дѣятельностію, какъ чрезъ зоркое наблюденіе за собою. Домъ безъ присмотра хозяина доходитъ до разоренія; душа безъ бдительнаго надзора за всѣмъ, что въ ней происходитъ, близка къ гибели. Къ сожалѣнію, самонаблюденіе, какъ показываетъ опытъ, труднѣе, чѣмъ наблюденіе надъ внѣшними предметами, или воспріятіе ощущеній отвнѣ. Иной знаетъ все, что внѣ сего, можетъ вамъ сказать, что происходитъ въ отдаленныхъ отъ насъ на безмѣрное разстояніе звѣздныхъ пространствахъ, что находится въ глубинахъ земли, или на днѣ морскомъ, что дѣлается въ томъ или другомъ государствѣ; но самого себя не знаетъ, — не знаетъ, идетъ ли онъ путемъ спасенія, или нѣтъ, какіе въ немъ есть грѣхи, какъ велика степень ихъ власти надъ нимъ и т. д. Ничего подобнаго онъ не знаетъ, ни о чемъ подобномъ не можетъ дать себѣ отчета, ибо надъ собою не наблюдаетъ, внутренняго чувства въ познаніи внутренняго своего состоянія не упражняетъ. Это для него дѣло непривычное и весьма неприятное, потому что онъ привыкъ жить

одними внѣшними впечатлѣніями, думать объ однихъ внѣшнихъ предметахъ,—предметахъ знанія и любопытства, можетъ быть весьма полезнаго въ дѣлѣ образованія, но при недостаткѣ самонаблюденія, бесполезнаго въ нравственномъ отношеніи. Въ иномъ неохота къ самонаблюденію происходитъ отъ пристрастія къ житейскимъ дѣламъ и удовольствіямъ. Ими заняты его мысли, на нихъ положена вся душа его, о нихъ и только о нихъ онъ любитъ разсуждать съ другими, и потому время досуга, или свободы отъ нихъ для него самое скучное время. Онъ не привыкъ оставаться наединѣ съ собою, душа его въ постоянной отлучкѣ, мысль его непрестанно бродитъ по сторонамъ, и потому, когда нечего ему дѣлать, нечѣмъ развлечь себя, онъ радъ бываетъ всякому обществу, чтобы не бесѣдовать съ собою и, если не найдетъ собесѣдника, берется за первую попавшуюся ему пустую книгу и на ней отводитъ душу. А врагъ спасенія этой разсѣянности и радъ. Онъ пользуется ею и хозяйничаетъ надъ разсѣянною душею, сколько ему угодно. Разсѣянная душа—словно открытый, брошенный

хозяиномъ домъ: и звѣрь, и недобрый человекъ находятъ въ немъ себѣ пріютъ. Діаволь безпрепятственно сѣетъ въ этой душѣ свои сѣмена, и они непримѣтно для ней самой растутъ и заглушаютъ въ ней добрыя насажденія. Еще болѣе препятствуетъ самонаблюденію самолюбіе. Оно свойственно каждому, но въ иномъ оно служитъ господствующимъ началомъ жизни и дѣятельности. Обладаемый самолюбіемъ, если и обратитъ вниманіе на свое внутреннее состояніе, не можетъ понять и оцѣнить его правильно. Онъ или не усматриваетъ въ себѣ дурнаго, или усмотрѣнные недостатки и грѣхи почитаетъ неважными и всячески извиняетъ; напротивъ, значеніе хорошихъ сторонъ въ своемъ нравственномъ состояніи преувеличиваетъ, сдѣланное имъ какое-либо доброе дѣло признаетъ великимъ нравственнымъ подвигомъ, хотя бы сдѣлалъ его по недоброму побужденію,—напримѣръ, по тщеславію, по нежеланію отстать отъ другихъ, чтобы не сказали, что другіе добрѣе его,—хотя бы, благотворя однимъ, онъ въ то же время притѣснялъ и разорялъ другихъ,—хотя бы чуждъ

быль благочестія и страха Божія.—Итакъ, для приученія себя къ самонаблюденію, а также для правильной и безпристрастной оцѣнки своего внутренняго состоянія, надо каждому позаботиться объ удаленіи препятствій къ тому и другому,—т.-е. разсѣянности и самолюбія. Разсѣянность побѣждается самособранностію, которую должно сохранять даже при устремленіи вниманія на сторонніе предметы и среди житейскихъ занятій, а особенно въ часы досуга, и въ которой должно пребывать непременно предъ вечернею молитвою и передъ отхожденіемъ на ночное ложе. Прекрасныя наставленія объ этомъ помѣщаются въ концѣ молитвъ на сонъ грядущимъ.—Полезно для свободы самоиспытанія приучать себя и къ внѣшнему уединенію, къ внѣшнему устраненію себя отъ мірскаго шума и отъ всего, что развлекаетъ по сторонамъ. Препятствіе къ безпристрастному самоиспытанію со стороны самолюбія мы устранимъ, если навикнемъ судить о себѣ подъ руководствомъ закона Божія, если будемъ при свѣтѣ его разсматривать душевное наше состояніе. Законъ Божій—непод-

купный судія нашъ. Его суду о насъ мы смиренно должны подчиняться. По самолюбію мы склонны легко относиться къ нашимъ недостаткамъ и грѣхамъ, склонны темныя стороны въ нашей духовной жизни называть свѣтлыми, напримѣръ: скупость и скряжничество—благоразумною бережливостью, гордость—уваженіемъ къ себѣ, пристрастіе къ чувственнымъ удовольствіямъ — невиннымъ развлеченіемъ, животную привязанность къ дѣтямъ безъ заботы объ ихъ нравственномъ развитіи—любовью къ нимъ, низкое челоѣкоугодничество—христіанскою услужливостію, жестокость—необходимую строгостію и т. п. Но подвергая наши духовныя расположенія и поступки суду закона Божія, мы увидимъ, что здѣсь они извѣстны подъ другими именами, напримѣръ: евангеліе называетъ сердечнымъ любодѣйствомъ то, что иной подъ вліяніемъ самолюбія назвалъ бы только невинною симпатіею, или простительною шалостію воображенія. Для безпристрастія въ самоиспытаніи полезно также терпѣливо выслушивать сужденія о насъ другихъ людей, особенно опытныхъ въ духовной жизни. Не

слѣдуетъ пренебрегать и мнѣніемъ о насъ враговъ нашихъ, потому что и враждебныя о насъ сужденія могутъ имѣть основаніе въ насъ. Люди опытные въ духовной жизни совѣтуютъ даже каждому при сужденіи о себѣ, воображать себя въ положеніи врага своего и вопрошать себя, что сказалъ бы о томъ или другомъ моемъ поступкѣ, или помышленіи и душевномъ расположеніи врагъ мой? — Лучше быть строгимъ къ себѣ, чѣмъ снисходительнымъ. „Аще быхомъ себе разсуждали (*себя строго судили*), не быхомъ осуждени были“ (1 Кор. 11. 31).

